

Человек, сделавший себя сам

Рос. Вести. - 1993. - Апрель. - С. 8.

Безвременная смерть Рудольфа Нуриева вызвала в мировой прессе шок

Запретная тема болезни «бога танца» вырвалась на волю и заполнила все некрологи. Попытки осмыслить подлинную и единственную роль артиста - его жизнь в искусстве - не предпринимались. Известно: гений есть гений. И все же на расстоянии к судьбе и образу этого человека мир будет обращаться все чаще. Ведь он был среди тех, кто изменил балет XX века.

Майя КРЫЛОВА

После Нуриева невозможно танцевать так, как до него. И во всем мире это хорошо понимают. Для Запада Нуриев - живая легенда, именно ему присвоили титул «бога танца».

Когда в 1961 году Нуриев первым из балетных «звезд» России стал «невозвращенцем» и начал выступать в английском Королевском балете, это было воспринято как политическая сенсация. Но очень скоро он заставил Запад забыть о политике и вспомнить об искусстве. Он остался, потому что хотел сам распоряжаться своим талантом. И легко вписался в «тамошнюю» жизнь: по складу он человек, каких на Западе называют «self-made man» - «человек, сделавший себя сам».

В нем ни на йоту не было привычки танцевать «в полноги» и капризничать в ежедневном классе, чем часто отличаются наши отечественные «премьеры» (и, к слову, именно это мешало и мешает многим из них работать вне России). Он же работал неизменно много, истово. Бывало, по 6 часов в день репетировал прыжок перед зеркалом или давал спектакли 8 раз в неделю. И жадно осваивал все упущенное, все стили мирового балета, все то, что не получил за годы работы в полностью классическом, да еще и прикрытом тяжелой паранджой соцреализма советском театре.

Запад дал ему возможность приложить свой талант ко всему, но и он внес в европейскую культуру фантастическую маэстрию русской балетной школы и собственной выучки. Его техническая виртуозность

выходила на такой уровень, что сама по себе становилась эстетической ценностью, не будь даже у Нуриева подлинной природы артиста. А натура эта у него была! Нуриев стал одним из последних великих стилистов мирового балета. Он направил всю свою легендарную технику танца на точное постижение природы образа. Он умел быть подлинным романтиком в романтических балетах: его дуэт с итальянской балериной Карлой Фраччи в «Сильфиде» - художественный эталон исполнения, по этому дуэту нужно учить детей.

Он танцевал трагедии и комедии, в роли Башмачкина по гоголевской «Шинели» критика сравнивала его с Чаплиным, но и в абстрактных холодноватых партитурах Баланчина он был тоже ограничен. В авангардных постановках Марты Грехем, в фильме «Валентино», где Нуриев играет «звезду» немого кино и танцует магическое сексуальное танго с Нижинским, и «крутой» стэп - везде и всегда он противостоял художественной энтропии, что захватывает ныне балет.

Сейчас одновременно с утверждением в танце спортивного принципа «быстрее, выше, сильнее» стираются грани, нивелируются нюансы. Нуриев же доводил движение до такого совершенства, до такого предела выразительности, когда сквозь линию сверкает идея. При этом он никогда не «хлопотал физиономией», как говорят в театре, он играл лишь пластикой, лишь сверхточным телом. Искусство мастера было интуитивным и интеллектуальным вместе. «Мы воспринимаем окружающий мир сердцем», - говорил он о русских. А его продуманность концепции - след-

ствие стремления всегда быть первым.

Нуриев - опровержение известных слов Станиславского. Он любил искусство в себе, но не меньше (а иногда и больше) любил себя в искусстве. В его случае нарциссизм стал мощной пружиной творчества. Балерины считали его прекрасным партнером, но он как будто отделился от всех за незримой чертой. Его актерская суть - одиночество. Так он ощущал себя сам, так воспринимался зрителями - одинокий волк, неистовый юноша в молодости и немного сардонический, слегка утомленный гений в последние годы.

С именем Нуриева связана эпоха возвращения классики и возвращения массового интереса к элитарным искусствам. Сейчас с Штатах популярность Паваротти сравнивают лишь с битломанией 60-х годов, Барышникова любой американец называет «Миша», а записи классики продаются лучше дисков Мадонны. На спектакли Нуриева тоже ломались люди, потому что он умел сделать условный пластический жест интимным, обращенным к каждому.

К нему полностью относятся слова Дэвида Боуи о покойном лидере группы «Квин»: «Он кормил публику с ладони, как воробьев». С Фредди Меркьюри Нуриева роднит не только ранняя смерть от СПИДа и восторги толпы. Общим присущ имидж победителя жизни, но что скрывалось за ним? Конечно, Нуриев не переносил свой сценический стиль в жизнь, как Фредди. Но оба они и в реальности, и на сцене стремились отодвинуть границы личной свободы. Кто знает, может быть, усталость от совершенства и правильности в танце толкала Нуриева к такой жизни, от которой умирают в 54 года?

...Он до самого конца строил планы. Планы дирижировать в Париже, снимать фильм в Москве, ставить балет в Милане. А похоронен он в Сент-Женевьев де Буа, на русском кладбище.